

Дики адыгского прошлого



ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ выпуск 7 (90)

Ценный труд об оружии Кавказа.

Ривкин К., Пинчо О. Оружие и военная история Кавказа.

Альманах «История оружия». 2011. № 4. Запорожье, 2011. 127 с.

В 2011 г. в Запорожье, в рамках альманаха «История оружия», было издано исследование Кирилла Ривкина и Оливера Пинчо «Оружие и военная история Кавказа».

Для автора этих строк выход в свет столь обстоятельного и знаменательного в нескольких отношениях труда стал поводом не столько для критического разбора текстов, сколько для рассуждения на тему черкесской истории и черкесского историко-культурного наследия. Поэтому заранее прошу уважаемых мною специалистов извинить меня за многословные отступления от изложения всегда простой рецензии на понравившуюся книгу.

В предисловии от авторов определяются хронологические рамки исследования – между 1500 и 1864 гг. Такие временные границы, согласно авторам, определены «распространением огнестрельного оружия на Востоке, борьбой за главенство на Ближнем Востоке между Османской и Сефевидской империями и возникновением и триумфом Российской империи».

Кроме того, периодизация основана на уверенности авторов в том, что «любое расщирение данных временных рамок принудило бы нас к описанию революционных изменений в военном деле и, соответственно, видов вооружения, мало связанных между собой, в то время как для данного периода военная тактика, оружие, доспехи представляют собой монотонно развивающуюся в едином, неразрывном комплексе, цельную культуру». (С. 5).

Здесь же, авторы определяют объект и ареал своего исследовательского внимания: «Данная работа посвящена изучению военной системы Кавказа, в первую очередь относительно мало исследованной до настоящего момента черкесской культуре, возникшей, по нашему мнению, на основе вооружения и искусства народов Западного Кавказа, и существовавшей как единая материальная культура, начиная с XIV-XV веков вплоть до 1860-х годов». (С. 5-6). Ареал: «Географически мы ограничиваем себя областью между Крымом на западе, Каспийским морем на востоке, Куба-

ню на севере и северными границами Армении на юге».

Сразу заметим, что ограничиваться Кубанью не стоит, поскольку в XIII-XVIII вв. внушительное черкесское население существовало в Восточном Приазовье, на Таманском полуострове, и, в целом, с правой стороны Кубани. Крупнейшее феодальное образование центральной Черкесии – Кремух – на целом ряде карт XVI в. отмечено по обе стороны реки Кубани.

К ареалу черкесской культуры в области оружия и доспеха следует отнести всю ту огромную Черкесию (Чиркасию), которую мы наблюдаем на десятках карт XVI-XVII вв. – в пределах между двумя морями. Эта большая Черкесия находилась под юрисдикцией и защитой крымского хана. Черкесская культура транслировалась всюду, где была власть Крыма, а таковая простиралась на запад до Молдавии, а на север – до Тулы.

Транслировали ее не только собственно черкесы в составе ханской армии, но и знатные татарские роды, включая самих верховных сюзеренов – Гиреев. Гирейская коллекция черкесских доспехов превосходно отображена на страницах книги Ривкина и Пинчо, демонстрируя нам высокотехнологичные и искусно украшенные предметы, по всей видимости, дары вассалов из Черкесии.

Крым, как видим, являлся одним из центров развития черкесской оружейной традиции. Челеби сообщает о том, что Джанкой являлся городом, основанным черкесами-жаневцами (Джаней – Жанетия). Черкесы-оружейники могли быть привлекаемы к ханскому двору и ко дворам самых знатных татарских родов – Ширин, Барын и др.

Сами авторы правильно отнесли к этносам, на которых оказала влияние черкесская культура – ногайцев. Хан-Гирей в «Записках о Черкесии» оставил нам отличное описание «черкесских ногайцев».

После столь тщательного ограничения себя во временных и территориальных рамках исследования в существующей степени нелогично выглядит подход, при котором на 1-й странице введения появляется

словосочетание «так называемая «Черкесская» культура». Это выражение содержится в предложении, с которым, в целом, следует согласиться: «Мы специально уделили больше внимания исследованию вопросов, до сих пор не получивших широкого освещения в литературе, в первую очередь – так называемой «Черкесской» культуре». (С. 13).

Надо заметить, что, в целом, авторы правы, когда констатируют недостаточность исследовательского внимания к вопросам генезиса черкесского оружия, но вряд ли можно согласиться с ними в утверждении, согласно которому «период между 1500 и 1864 годами представляет собой в некотором роде «белое пятно» в истории Кавказа – количество археологических находок, относящихся к данному отрезку времени, крайне мало, а коллекции российских музеев скудны экспонатами, произведенными до 1830-х годов». (С. 13).

Зато существует весьма солидный корпус письменных источников, относящихся к этому периоду. В отличие от предшествующего времени, сохранились рисунки. Археологических находок также много, поскольку Белореченская археологическая культура исследуется в рамках с XIV по XVI в. включительно. Более того, и западноадыгские и кабардинские курганные некрополи имеют поздний хронологический рубеж в XVIII в. Поэтому достаточно многочисленные артефакты из курганов XVII – XVIII вв. известны и эта коллекция находок регулярно пополняется. Находимые предметы идентичны тем описаниям и рисункам, которые относятся к этому времени. Такой исследовательской возможности сопоставлять все виды источников не существует по понятным причинам для эпохи раннего средневековья.

Наибольшее количество вопросов и критических замечаний, по всей видимости, соберет глава «Народы Кавказа». В этой главе авторы, на наш взгляд, без методологической необходимости и достаточного опыта источниковедческой работы, позволили себе целую серию вольных трактовок этнического и социально-политического состояния рас-

сматриваемого ими региона.

Структура подобранных примеров для доказательств собственной картины представленной также вызывает сплошные вопросы. Так, например, в рассмотрении «феодальной» системы (кавычки в тексте Ривкина и Пинчо) весь упор сделан на Грузию, Абхазию и Азербайджан. Хотелось бы увидеть при анализе феодальной системы еще и Черкесию, поскольку сами авторы перед тем сделали заявление, что основной материал по оружию, представленный ими к рассмотрению в данном исследовании – черкесский или относится к «так называемой «Черкесской» культуре». Точно также при рассмотрении «так называемой «демократической» системы» на Кавказе выпал из поля зрения и «демократический» строй в ряде черкесских территорий. За исключением вот этого предложения: «В других случаях совет старейшин обладал большей властью, чем дворяне, которые представляли собой просто профессиональную военную касту, как было, например, у шапсугов». (С. 15).

Либо это следствие неудачного перевода, либо шаблонного представления. Совета старейшин не существовало, хотя старики могли собираться и что-то такое их интересующее обсуждать. Касты профессиональных военных у шапсугов и других адыгов также не было.

Здесь мы не пытаемся придираться к словам. Мы пытаемся показать, что не стоит сразу дать свое оригинальное видение по всем вопросам – в такой книге, как эта, достаточно было ограничиться несколькими специальными вопросами эволюции комплекса вооружения и доспеха.

Что касается положения дворянства у шапсугов, то оно было в целом ровно таким же, как у других общностей адыгов. Другое дело, что после социального переворота конца XVIII века, устроенного верхушкой шапсугских тфокотлей (лично независимых крестьян), так называемых старшин русских источников (но не старейшин), дворяне на территории Шапсугии были лишены властных прерогатив и перестали руководить массой народа. Но

они оставались типичными феодалами, сохранялась иерархия тфокотлешских и просто оркских фамилий. Цена крови тфокотля все равно, хоть немного, но превосходила цену крови тфокотля. Самое важное – право обладать крепостными крестьянами и рабами – не было подвергнуто ревизии. И именно потому, что старшины, фактически, сами были феодалами, подчас распоряжаясь большим количеством крепостных и рабов, чем критикуемые ими дворяне. Часть рабов превращалась в крепостных крестьян и входила, таким образом, в число шапсугского народа. В перспективе каждый из таких новообращенных крепостных мог получить свободу и превратиться в своего рода микро-феодала. Кроме того, даже в среде «революционно настроенных» старшин сохранялась привычка подчиняться дворянам. Тем более, что последние совокупно обладали весьма внушительным богатством и военным опытом.

Кроме того, надо иметь в виду сохранение властных позиций за натухаевским дворянством, существование пусть и захиревших, но все еще княжеских по своей сути и юрисдикции княжеских домов (Занко в Анапе и Бастоко в Вулане-Чепсине) в этом, на первый взгляд, подавляюще «демократическом» пространстве западных районов Черкесии. Часть тфокотлей в Натухае (Шупако в Пшаде, Калаботоко в Геленджике и др.) обладали таким статусом, что могли восприниматься русскими наблюдателями как князья.

К сожалению, в самом запутанном виде представления авторов об этнической истории региона проявились как раз в принципиально важном для понимания всего исследования параграфе «Кто такие «Черкесы»?» (С. 21-22).

1-й абзац стоит процитировать полностью: «Поскольку слово «черкесский», «черкесь» – одно из наиболее часто используемых в данной книге, необходимо уделить некоторое внимание происхождению и истории использования данного термина. Точная этимология его неизвестна. В своём современном виде «черкес» оно упоминается в письменных источниках XIII-XIV веков (Го-

ЦЕННЫЙ ТРУД ОБ ОРУЖИИ КАВКАЗА

релик, 2004) для обозначения жителей центрального и северо-западного Кавказа. Правда, мы до сих пор не знаем, имелась ли в виду конкретная лингвистическая группа, или же название относилось ко всем жителям данного региона. В дальнейшем данный этноним (в форме «черкас») чаще всего используется в русских (московских) документах, однако для обозначения населения территорий, прилегавших к югу России, в основном – украинских казаков, татар и прочих. Жители Прикубанья упоминаются как именно «пятигорские черкесы (черкасы)» (С. 21).

Как оружейеды, наши авторы сослались на мнение своего авторитетного (а также и нами глубоко уважаемого) коллеги М. В. Горелика, но надо заметить, что в вопросе этнонимии Северного Кавказа есть специальные работы. Например, это две монографии Н. Г. Волковой.

Что касается формы черкас, то именно она и доминировала во всех видах письменных источников, описывавших адыгское население Северо-Западного Кавказа, вплоть до XVIII в. Другие формы – чиркас, чаркас, циркас, шаркас, джаркас, джихаркас, тзиаркасис. Русские авторы первой четверти XIX в. также часто пользовались формой черкас для обозначения черкесов (адыгов).

Что касается именно московских источников XVI-XVII вв., то, действительно, черкасами именовали и адыгов, и украинское население Южного Поднепровья. Часто только по контексту становится понятно, о ком идет речь. Вполне вероятно, что первый казачий коллектив Запорожья состоял из черкасов (адыгов), уроженцев Черкасии С.-З. Кавказа. На эту тему также есть специальная литература (Горелко В. Ф. Об этнониме черкасы в отечественной науке конца XVIII – первой половины XIX в. // Советская этнография. 1982. № 3; Лещенко А. Из истории украинской колонизации Кубани // Труды Кубанского педагогического института. Т. I (IV). Краснодар, 1930. С. 123–154; Чапленко В. Адыгейскі мови — ключ до таємниці нашого субстрату. Етимологічні досліді. Нью-Йорк, 1966).

Очень показательно, что такой уважаемый специалист по оружию как Горелик подтверждает своим анализом вероятность присутствия адыгских (черкасских) воинов на Украине в ордынское время. (Горелик М. В. Адыги в Южном Поднепровье (2-я половина XIII в. – 1-я половина XIV в.) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 3. Армавир, 2004. С. 293 – 300). Отметим, что их, скорее всего, было не так уж и много, но за ними стоял развитый и даже можно сказать утонченный в технологическом отношении комплекс снаряжения, амуниции и оружия и доспехов воина-всад-

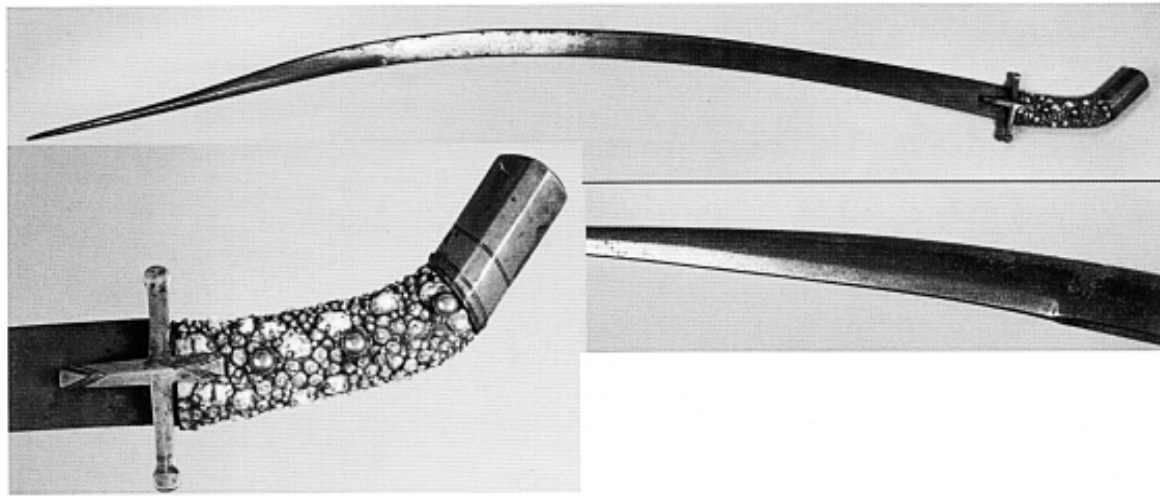


Рисунок 7. Черкесская сабля – джатэ, XVII-й век. Черкесский клинок со штыковидным концом, рукоять обтянута акульей кожей, подписана тамгой. Коллекция Оливера Пинчо.

Figure 7. Circassian sabre djate, XVIIth century. Please note locally made blade with a thick bayonet tip (right). Hilt covered with sharkskin, pommel signed with tamgas. Oliver Pinchot Collection.

Ривкин К., Пинчо О. Оружие и военная история Кавказа. Рис. 7.

ника. По этой причине черкасское присутствие на Украине могло получить отражение в этнонимии южнорусского населения.

Также вполне вероятно, что у русского канцелярского обихода именовали днепро-русских казаков черкасками – простой факт наличия названия крепости Черкасы (укр. Черкаси) на правом берегу Днепра, в 180-190 км к югу от Киева. Другое дело, что название крепости все равно связано с историей черкасского военного отходничества в этот регион, присутствия значительного воинского коллектива из Черкасии: «Первые козаки, зброд из черкес горских, в княжении Курском в 14 ст. явились; где они слободу Черкасы построили и под защитой татарских губернаторов воровством и разбоем промышляли; потом перешли на Днепр и город Черкассы на Днепре построили». (Татищев В. Н. История Российская. М.-Л. 1963. Т. II. С. 240).

Поскольку Украина входила в состав Великого княжества Литовского, а крепость Черкассы являлась литовской крепостью, то для русского интеллектуала и канцеляриста возникла потребность показать, что на южных рубежах Литвы находятся не просто «литвины», а сильно отличающиеся как от литовцев, так и в существенной степени от старого южнорусского населения Киевины новые этно-социальные формирования черкас.

Возникает закономерный вопрос к нашим уважаемым авторам: зачем вообще понадобилось начинать рассмотрение вопроса о том, кто такие черкесы с гораздо менее проясненного в литературе вопроса о происхождении этнонима черкас на Украине? В своем великодушном оружейедческом исследовании К. Ривкин и О. Пинчо совершенно не касаются украинского-черкасского материала.

У самой манеры брать термин черкес (черкесский) в кавычки уже столь длительная история, что при ее анализе нам никак не обойти наследие 1864 года. После исчезновения Черкесии с карты Кавказа, ее

историко-культурное наследие либо искажалось в очень сильной степени, либо вовсе не упоминалось на страницах исторических трудов.

Упоминание в кавычках не может нас воодушевлять. Книга посвящена культурному феномену, неразрывно связанному с адыгами-черкесами, их культурной и этнополитической историей, что проступает со страниц рассматриваемой книги со всей рельефностью.

Именно по этой причине, наши авторы перестают употреблять кавычки вокруг слова черкесский или черкесы после 67-й страницы (Часть третья. Черкесское оружие) и ясно формулируют черкесскую принадлежность изучаемой ими культуры.

Словосочетания черкесская культура, черкесский стиль, черкесский тип, черкесская сабля, черкесская шашка, черкесские пороховницы, черкесский топорик, черкесский костюм, черкесский пистолет, черкесский орнамент, черкесский кинжал, черкесский наруч, черкесская мисюрка, средний черкесский шлем, черкесский доспех, черкесский панцирь, черкесская чернь, черкесский женский пояс и т. д. – уже не содержат кавычек.

Более того, авторы вводят понятие Высокая черкесская культура, которое покрывает элитные, высокотехнологичные и высокохудожественные образцы доспеха и оружия, обладающие набором устойчивых признаков в конструкции, стиле и оформлении. (С. 75, 77, 86 и пр.).

Если справедливым и логичным является подход, при котором мы обязаны всякий раз убеждать себя в том, что черкесы и Черкесия не вымысел, а реальность исторического прошлого, а те авторы, которые так усердно закавычивают черкесов и черкесское, просто такие академически настроенные исследователи, то тогда давайте будем последовательны в таком строгом педантичном подходе и будем закавычивать такие этнонимы как русские, украинцы, грузины, дагестанцы, абхазы, татары, арабы, турки, чеченцы и так далее до бесконечности.

Каковы критерии такого закавычивания? Например, у черкесов есть самоназвание – адыги. Все адыги называют себя адыгами на родном языке и на всех его диалектах. О грузинах, которые ни разу не взяты в кавычки в этой книге, такого не скажешь.

Дагестанцы и вовсе жители гор или просто горцы. Вполне могло так произойти в русской канцелярской и географической номенклатуре, что сейчас дагестанцев именовали бы официально тавлинцами. Эта форма очень часто употреблялась в русских источниках о Дагестане. Тавлинцы – горцы (от тюркского таулу – горцы). Осетины также не закавычиваются, хотя внутри народа два сильно отличающихся этнических массива – иронцы и дигорцы – а единого самоназвания не существует.

Да, есть источники, в которых термин черкес имеет расширительное толкование, но у таких случаев всегда достаточно понятные подтексты. Например, черкесы в Иране – очень часто дагестанцы. Но в Иране присутствовали и собственно черкесы – кабардинцы, как правило. А употребление термина черкес как имени или прозвища в Дагестане всегда имеет основу в родственных или иных контактах того или иного дагестанского владельческого рода с Кабардой и ее княжескими фамилиями. Черкесы в Грузии – всегда (на всякий случай оговоримся, почти всегда, хотя примеры расширительного толкования термина черкес в грузинской традиции нам неизвестны) именно черкесы.

Для наших уважаемых коллег и их исследования практически не существует потребности брать черкесов в кавычки. Они очертили такое пространство исследования, в котором черкесы это черкесы, а черкесская культура – черкесская культура.

Русские посольские источники, значительнейшая часть которых введена в оборот благодаря историографическому и идеологическому мифу о добровольности вхождения черкесов в состав России при Иване Грозном, это, прежде все-

го, внушительный двухтомник «Кабардино-русские отношения» (М., 1957) в 99-100% употреблении термина черкесы (черкасы, пятигорские черкасы, другие формы) употреблены для маркирования именно этнических черкесов – адыгов.

Также крайне мало число случаев, когда в ранних османских источниках XV-XVIII вв. под черкесами имели бы в виду не черкесов, а какие-то иные кавказские народы или отдельные группы лиц. Нам такие источники не известны. У Челеби черкесы это именно адыги-черкесы и никто иной.

В исследовании М. Ф. Кирзиоглу, выдающегося исследователя и источниковеда, посвященном османско-кавказским отношениям, в многочисленной группе османских источников, которыми он оперирует, черкесы – всегда только черкесы. (Kirzioglu M. F. Osmanlilar'ın Kafkas – Elleri'ni Fethi (1451-1590). Ankara, 1998).

Более того, всегда черкесы в Крыму, упоминаемые в османских источниках – это уроженцы Черкесии.

Этот подавляющий источниковедческий факт является отправным для такого исследования как книга Ривкина и Пинчо.

Черкесская сабля – джатэ.

Джатэ – меч. Джатэдзэ – лезвие меча. ДжатапIэ – ножны. ДжаташIэ – мастер, специалист по изготовлению мечей, сабель. Джатэжьей – небольшой меч. Джатэпэрыжэ – первым бросающийся в атаку. ДжатэпэрыкIуэ – храбрый, отважный, бесстрашный. Джатэрыхахуэ – искусство владеющий мечом. (СКЧЯ. М.: Дигора, 1999. С. 133-134). Адыгейский аналог джатэ – чатэ. (ТСАЯ. С. 467).

Согласно Толковому словарю адыгейского языка, сэшхо (сэшхор, сэшхохэр) сабля. Сэшхоку – клинок сабли. Сэшхопсы – португя. СэшхуапIэ – ножны. (ТСАЯ. Составители А. А. Хатанов, З. И. Керашева. Под ред. А. Н. Абрегова, Н. Т. Гишева. Майкоп, 2006. С. 385). В словаре кабардино-черкесского языка сэшхуэ – шашка; сабля. При этом, указывается, что сэшхуэ является разновидностью джатэ.

Значительный методологический и источниковедческий успех исследования Ривкина и Пинчо связан с рассмотрением характеристик и генезиса джатэ – черкесской сабли. Это рассмотрение предпринято исследователями в комплексе с защитным вооружением и тактикой конного боя, что в совокупности представляет нам цельное культурное явление.

Этот раздел настолько важен для нашего понимания черкесской воинской традиции и истории вооружения, что мы позволим себе обширную цитату из книги Ривкина и Пинчо:

«От джатэ до шашки: эволюция черкесских сабель в XIII-XIX веках.

Многие из аспектов того, что мы называем черкесской культурой, появились впервые

ЧЕРКЕССКАЯ САБЛЯ

во времена Хазарского каганата.

Надо отметить, что необязательно связывать эти элементы именно с этническими хазарами, речь идет скорее о северокавказской культуре времен каганата. К таким элементам относится распространение традиции ношения мужчинами тонкого воинского пояса, становление и развитие черкесского орнамента, распространение тамг (известных, впрочем, со времен скифов).

А. В. Комар и О. В. Сухобоков, авторы обстоятельного очерка развития хазарского вооружения, отметили вклад населения Северо-Западного Кавказа в формировании типа хазарской сабли:

«В середине VIII в. у населения Хазарского каганата возникает ранняя сабля. Переходный тип от палашей вознесенского типа к салтовскому иллюстрирует палаш из погребения 11 в Казаво. Он имеет прямое лезвие с похожим в общих чертах к вознесенским, но более узким, перекрестием, а острие на участке ок. 15 см заточено с обеих сторон. На салтовских клинках этот участок колеблется от 10 до 18 см и отсутствует лишь в редких случаях – заточка острия с обеих сторон предназначалась для повышения эффективности колющего удара».

(Комар А. В., Сухобоков О. В. Вооружение и военное дело Хазарского каганата // Восточно-европейский археологический журнал. 2000. № 2-3 (март-апрель). См.: http://archaeology.kiev.ua/journal/020300/komar_sukhobokov.htm).

По сути, хазарская сабля представляла собой едва изогнутый палаш с наклоненной рукоятью и обоюдно заточкой оконечности клинка. За счет существенно более легкого веса и наклона рукояти ударная мощь такой сабли-палаша вдвое превосходила лучшие образцы мечей.

Истоки черкесской сабли джатэ также следует искать в Хазарском каганате.

Однолезвийные сабли появились у хазар в VII-VIII веках (Кочкаров У. Ю. Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII-XIV вв. (оружие ближнего боя). М.: ТАУС, 2008). (К сожалению, У. Ю. Кочкаров снабдил свое, в целом, профессиональное исследование истории оружия, совершенно неприемлемой с научной, методологической и источниковедческой, точки зрения собственной авторской версией этнической истории Северо-Западного Кавказа в VIII – XIV вв. По Кочкарову, адыги не имеют никакого отношения к населению С.-З. Кавказа этого периода, которое оказывается тюркским! – Прим. С. Х.). Изучая распределение по длине хазаро-северокавказских сабель в IX – XIII вв. можно заключить, что параллельно существовало несколько типов, в том числе – короткие сабли, 60-70 см в

длину, использовавшиеся для рубки, и длинные, тяжелые сабли, со значительным изгибом клинка, 100-120 см в длину, у которых появляется штыковидный конец. К XVI в. последний тип эволюционирует в джатэ (Рис. 7), и с тех пор относительно мало изменяется вплоть до вытеснения шашкой в середине – конце XVIII в. Джатэ носилась совместно с более легкой, короткой саблей...

Джатэ – гибридное оружие, предназначенное и для укола, и для рубки. Для более эффективного колющего удара, способного пробивать кольчужную защиту, клинок джатэ заканчивался толстым, штыковидным острием, расположенным примерно на одной линии с рукоятью. Последняя, соответственно, располагалась под небольшим углом к лезвию. Обладая внушительными размерами, заканчиваясь набалдашником в виде колпачка, располагавшимся под тупым углом по отношению к рукояти и клинку, она позволяла применение двух различных хватов (Gutowski J. Bron i uzbrojenie tatarow. Warszawa: Res Publica Multiethnica, 1997). В первом случае, предназначенном для рубки, рука находилась посередине рукояти и джатэ использовалась как простая сабля. Во втором случае рука охватывала верхнюю часть рукояти и колпачок, позволяя наносить уколы, сила которых передавалась непосредственно в руку. Среди исследователей мамлюкского оружия подобный хват называется мамлюкским, а укол с голомента сабли, направленной параллельно земле – мамлюкским уколом. Однако надо отметить, что подобное решение, похоже, существовало уже в хазарских саблях.

Так как колющий удар требовал сильного сопряжения между рукой и рукоятью, последняя обтягивалась крупно-

зернистой акульей кожей, что, впрочем, делало использование джатэ невозможным без рукавиц.

В результате джатэ обладала хорошими рубящими и колющими свойствами, однако это компенсировалось сложностью в ее изготовлении и овладении техникой боя. В самом начале сражения она использовалась как копье (Челеби, 1996), затем – как собственно сабля. Однако её существенная длина требовала наличия другого оружия для боя на короткой дистанции, что и объясняет существование по сути укороченной копии джатэ, однако без штыковидного конца.

Начиная с XVI в. подобные сабли завоевали популярность среди восточноевропейских татар, а затем и поляков, и венгров. В литературе нередко встречается атрибуция данного типа к львовским армянам (на основании подписи владельца-армянина на одной из сохранившихся сабель), татарам, полякам и т. д. В первый раз кавказское происхождение данного типа было заявлено в Gutowski, 1997, где было подмечено, что такие сабли являются непосредственными потомками кавказских образцов, относящихся к позднему средневековью...

Признаки настоящей черкесской сабли заключаются в:

– Штыковидном конце на длинных джатэ.

– Черкесском орнаменте на ножнах, в первую очередь – на элементах подвеса, обычно изготовленных из латуни и покрытых гравировкой, реже – из серебра с чернью.

– Наличии «око» на задней стороне ножен – продолговатых участков, с которых срезаема кожа, обнажая деревянную основу ножен.

– Наличии на лезвии или рукояти подписей в виде тамг. Раннее черкесское оружие (до XIX в.) вообще часто подписывалось тамгами.

– Определенной геометрией линий, высеченных на латунных частях рукояти. В течение XVI-XVIII вв. их толщина и положение на черкесских саблях не претерпели существенных изменений».

(Ривкин К., Пинчо О. Оружие и военная история Кавказа... С. 69-71).

Популярность черкесской сабли (джатэ), как видим, обусловила весьма внушительный ареал ее распространения. В дополнение к Ривкину и Пинчо, отметим факт использования черкесской сабли в Казахстане в XVI-XVIII вв. (Бобров Л. А. Источники поступления сабель в казахские войска XVIII – середины XIX вв. // Военное дело улуса Джучи и его наследников. Астана, 2012. С. 347-348. Электронная копия этой интересной публикации любезно предоставлена Алиханом Кодзоковым).

Со ссылкой на статью «Сабля, оружие» в энциклопедии Брокгауза и Ефрона, Википедия сообщает: «В XVII веке на Руси сабли были как местного производства, так и импортные. Отечественные, как правило, ковались под иностранным влиянием — в описях выделяются сабли на литовское, турецкое, угорское, черкасское дело, на кизылбашский, немецкий, угорский, а также и московский выков».

Обширная география воздействия черкесского оружейного центра имеет длительную историю. Так, меотский оружейный центр в VIII в. до н. э. – III в. н. э., то есть, практически, на протяжении тысячелетней эпохи оказывал заметное влияние на вооружение и всадническую амуницию кочевников Скифии и обеих Сарматий (Европейской и Азиатской).

«Многочисленные находки предметов вооружения и конского убора позволяют говорить о наличии здесь мощного в военном отношении союза

племен, сложившегося одновременно на левом и правом берегах Кубани. Несомненно, что этот регион и его население играло авангардную роль на Северном Кавказе в первые века нашей эры, оказав значительное влияние и на культуру кочевников сарматов» (Абрамова М. П. Курганские могильники Северного Кавказа первых веков нашей эры // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке: сб. памяти М. П. Абрамовой. М.: Ин-т археологии РАН: ТАУС, 2007. С. 49).

Согласно наблюдениям В. Р. Эрлиха, то самое оружие, которое в геродотовской Скифии являлось атрибутом элиты, у меотов принадлежало рядовому слою населения: «Мечи и кинжалы скифского облика – «акинаки» с брусковидным либо антенновидным навершием и перекрестием с выемкой в нижней части («почковидным») либо («бабочковидным») характерны для меотских памятников VI-V вв. до н. э. Большое их количество встречено в Уляпском и Начерезийском могильниках на Левобережье Кубани, а также в могильниках позднеархаического времени правого берега Кубани – хутор Ленина, могильника у Кожзавода в Краснодаре. Однако, если в собственно скифских курганах этот вид вооружения встречается преимущественно у представителей воинской знати, в меотской культуре кинжалом – «акинаком» вооружены рядовые воины-пехотинцы, часто этот кинжал является у погребенного единственным видом оружия».

В конце V в. до н. э. в Прикубанье «акинаки», вероятно, трансформируются в меотские мечи – самый характерный вид вооружения меотской культуры. Эти мечи длиннее – более 60-70 см – и соответственно более эффективно могут использоваться в качестве оружия всадника. Технология производства мечей упрощается. Вместо специального изготовления наварного перекрестия («бабочковидной») или «почковидной» формы) верхняя часть клинка расковывается, образуя упор для руки, а само металлическое перекрестие отсутствует. В IV в. до н. э. происходит полное перевооружение войска меотов длинными меотскими мечами» (Эрлих В. Р. Северо-Западный Кавказ в раннем железном веке // Канторович А. Р., Эрлих В. Р. Бронзолитнейное искусство из курганов Адыгеи VIII – III века до н. э. М. 2006. С. 18).

Мечи меотского типа были занесены в Карпатский регион и Венгрию сарматами-языгами в I веке нашей эры и, позднее, аланами – с конца IV в. «Одним из характерных типов находок, связываемых обычно с аланами IV-V вв., является меч/кинжал с боковыми вырезами у пяты клинка (тип V по Хазанову), он же «меотский», или «тип Миция» [Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. С. 17]... Уже М. Пардуц обратил внимание



Черкесская сабля
XIV-XV вв. Сталь, железо. Ковка.
Белореченская культура.
Аул Тауыхайль.

Перчатки (наручники)
Конец XVIII – начало XIX вв. Кольчужная сетка, сафьян, ткань, золотная нить. Ковка, плетение

ЧЕРКЕССКАЯ САБЛЯ

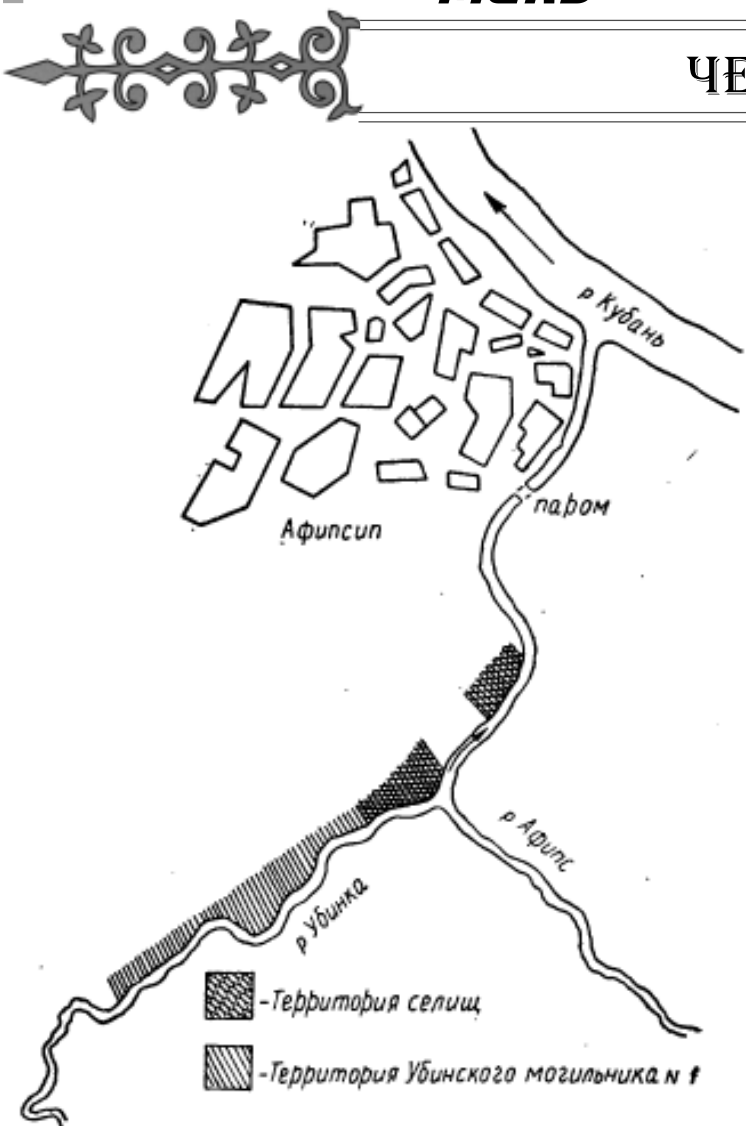


Схема Убинского могильника.

на прототипы мечей «меотско-го» типа с восточной территории сарматов. Он называл всего 15 аналогий [Pbrducz M. Archdologische Beitrage zur Geschichte der Hunnenzeit in Ungarn // ААН. 1959. 11. S. 367-368]. Столько же местонахождений за пределами Карпатского бассейна обозначил на своей карте Р. Хархою. На самом деле это гораздо более распространенный тип оружия в степной полосе Европы и на Северном Кавказе. В немногочисленных погребениях с оружием черняховской культуры (всего 0,5 % от общего числа могил) короткие мечи, представленные почти исключительно «меотским» типом, встречаются главным образом в юго-западной части ее ареала [Магомедов Б. В., Левада М. Е. Оружие черняховской культуры // МАИЭТ. 1996. Вып. V. 3. С. 305-306].

По вопросу формирования данного типа оружия имеется несколько мнений. А. М. Хазанов после картографирования находок сделал вывод, что наибольшее количество мечей найдено на Кавказе, поэтому формирование типа связывается именно с этой территорией [Хазанов А. М. Очерки... С. 24]. Р. Хархою также на основании территории распространения (правда, он не принял во внимание кавказские экземпляры) связал мечи с боковыми вырезами с Боспорским царством и считал, что этот тип берет свое начало с Боспора.

Сравнительно недавно В. Суло посвятила работу происхождению, распространению и хронологии «меотских» мечей/кинжалов. В ее каталоге перечислено 38 памятников. Регионы распространения: Северный Кавказ, степи Прикубанья,

Подонья и Поволжья, Крым, Поднепровье, Молдавия, Мунтения, Валахия и Карпатский бассейн. Изучая вопрос происхождения, исследовательница принимала во внимание в первую очередь хронологию комплексов с мечами и на этом основании присоединилась к мнению о формировании данного типа оружия на Северном Кавказе, где первые его образцы появились уже в самом начале IV в. или раньше. Там же можно проследить их эволюцию от относительно простых форм с двумя вырезами к подтипам с четырьмя вырезами. Отсюда «меотские» мечи распространились главным образом благодаря аланской экспансии. В соответствии с этим наблюдением большинство из них датируется IV-V вв., но бытование этого типа на Кавказе фиксируется до самого VII в. [Soupault V. A propos de l'origine et de la diffusion des roignards et ййres а encoches (IVe-VIIe s.) // МАИЭТ. 1996. Вып. V]. (Иштванович Э., Кульчар В. Мечи/кинжалы с боковыми вырезами в карпатском бассейне // Гунны, готы и сарматы между Волгой Дунаем. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. См.: <http://historylib.org/historybooks/Gunny-goty-i-sarmaty-mezhdu-Volgoy-Dunaem/11>).

Читателю будет интересно сопоставить наблюдения Ривкина и Пинчо с материалом из средневекового Убинского могильника.

Ранние сабли Убинского могильника имеют характерный для VIII-X вв. слабо изогнутый клинок. Первый исследователь этого памятника средневековой адыгской культуры М. Л. Стрельченко выделяет находку сабли-меча дли-

ной 1,20 м. Клинок едва изогнут, «что заметно только при внимательном осмотре. Изогнутость клинка прослеживается примерно на 0,70 м от перекрестия. В этой части клинок однолезвийный. Остальная его часть (примерно около 0,40 м), — обоюдоострая, прямая. К концу меч сильно суживается. Такая форма меча обусловлена двояким его применением: для рубящих и для колющих ударов (рис. 1 б)». (Стрельченко М. Л. Вооружение адыгейских племен в X — XV веках (по материалам Убинского могильника) // Наш край. Материалы по изучению Краснодарского края. Вып. I. Краснодар, 1960. С. 146-148).

Убинская сабля, таким образом, может быть признана одним из первых образцов черкесской сабли со штыковидным концом. Видимо, тактика и социальная организация черкесского общества толкала на изобретение такого универсального оружия, сочетающего функции сабли и копья. Столкновение конных противников, защищенных прочными доспехами, поощряло мысль адыгского мастера и воина изобретать такое оружие, которое позволяло вести конный бой без поддержки пеших копейщиков.

Поздние убинские сабли, относящиеся к XIII — XV вв., исследователь подразделяет на два типа. 1-й тип характеризуется массивным крестообразным перекрестием: «Длина перекрестия достигает в среднем 10 см. При виде сверху перекрестие напоминает двухсторонний топор-колуи. Длина — около метра. Наклон рукояти в сторону лезвия клинка — 10 градусов. На одной из сабель этого типа сохранились остатки золотых насечек. По аналогии с саблями из кабардинских курганов и предметами инвентаря из белореченских курганов клинки этого типа датированы Стрельченко XIV — XV вв. (Стрельченко М. Л. Вооружение... С. 148).

Сабля 2-го типа составляют около половины всех убинских сабель и имеют два вида, «отличающиеся друг от друга не только кривизной клинка, но и формой перекрестия, которое, продолжая развиваться, достигло дугообразной формы».

«Полоса сабли первого вида узкая, — отмечает Стрельченко, — постепенно суживающаяся к концу (рис. 2 а). Кривизна клинка больше, чем у сабель первой группы, но несколько меньше, чем у сабель второго вида. Стержень рукояти наклонен к лезвию клинка на 10-12°. Общая длина сабель колеблется от 0,90 до 1,10 м. Длина клинка составляет 0,80 — 1 м, длина рукояти — 6-10 см, длина перекрестия колеблется от 7 до 9 см, ширина полосы у

перекрестия равна 3 см. Перекрестие изогнуто в сторону клинка, образуя тупой угол. Близка по форме сабле первой разновидности сабля из кургана № 1 у аула Нешукай. В высоту курган достигал 52 см, в диаметре 12 м. Форма кургана круглая, расплывчатая. Вместе с саблей обнаружены наконечники стрел листовидной формы (в сечении вытянутый ромб), обломок железного ножа, фрагментированный глиняный кувшин. Курган, несомненно, принадлежал представителям адыгейской народности и может быть датирован XIII — началом XIV вв.

Таким образом, сабли первой разновидности бытовали у адыгейских племен в XIII — начале XIV вв., постепенно преобразуясь в сабли второй разновидности, которые отличались чуть большей шириной полосы и значительной кривизной клинка, особенно в нижней его части (рис. 2 б). Сабли этой разновидности, как и предыдущей, имеют колеблющуюся длину (0,90—1,15 м).

Длина клинка достигает 0,90—1,05 м, стержень рукояти — 0,11 м, длина перекрестия — 0,12 м. Стержень рукояти наклонен в сторону лезвия почти на 14°. Перекрестие имеет форму полумесяца.

Материал из погребений с саблями второй разновидности имеет много общих черт с материалом из белореченских курганов. Кроме сабель, близки по формам наконечники стрел, большей частью листовидной формы; принадлежность конской упряжи.

Итак, сабли второй разновидности получили наиболее широкое распространение в XIV и особенно в XV вв.

При классификации сабель Убинского могильника на типы и особенно при их датировке мы исходили из того, что главной частью сабли, как и ее предшественника — меча, является полоса. Наряду с формой полосы и наклоном стержня рукояти в сторону лезвия клинка, большое значение для датировки тех или иных сабель приобретает форма перекрестия, позволяющая проследить становление этого вида оружия конного воина. Эволюция пере-

крестий сабель Убинского могильника проходила в сторону постепенного превращения прямого перекрестия в дугообразное (форма полумесяца).

На многих клинках сохранились остатки дерева, свидетельствующие о том, что ножны сабель были деревянные, покрытые, по всей вероятности, кожей и скрепленные овальными железными кольцами. С изменением формы клинка соответственно изменялась и форма ножен. Ножны сабель имели на концах уплощенноцилиндрические с овальным концом железные наконечники для предохранения их от прокола острием сабли.

Остатки дерева отмечены и на стержнях рукояток сабель. По-видимому, рукояти делали из дерева и прикрепляли их посредством шипов, сохранившихся на стержнях. Шипы располагались на рукояти на одинаковом расстоянии друг от друга.

Носилась сабля на левом боку, так как в погребениях ее обычно клали с левой стороны покойника. Подавляющее большинство сабель лежало рукоятью к ноге, острием к голове и лезвием к костяку. Подобное положение сабли было зафиксировано и в Ново-Михайловском могильнике (погребение № 4), обследованном в 1956 году Н. В. Анфимовым. Иногда сабля лежала с правой стороны костяка». (Стрельченко М. Л. Вооружение... С. 148-152).

Органичным компонентом комплекса вооружения убинских конников было копьё. На первый этап исследования могильника, зафиксированный публикацией Стрельченко, было обнаружено 43 наконечника — все достаточно массивные, втульчатые, в сечении — листовидные, четырехгранные и округлые; длиной от 26,5 до 37 см. «Наконечники копий Убинского могильника, — отмечает Стрельченко, — сходны с наконечниками копий из адыгейских средневековых могильников и получили распространение на Северо-Западном Кавказе еще в раннем средневековье». (Там же. С. 155).

В XVII в. Челеби застал в Черкесии уже полностью концептуально завершённый клинок длинной сабли со штыковидным острием: «Воины были обязаны иметь по одной чистокровной лошади, щит, лук со стрелами, меч, копье. Острия их мечей похожи на острия четырехгранных и трехгранных копий. Вначале они останавливают врага мечами, потом мечами же рубят». (Челеби Э. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века) / Предисловие А. П. Григорьева. Прим. и комм. А. П. Григорьева и А. Д. Желтякова. Вып. 2: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М.: Наука, 1979. С. 59).

(Продолжение в следующем выпуске).

Самир ХОТКО.



Рис. 2 из статьи Стрельченко. Сабли XIII-XV вв. а) первая разновидность б) вторая разновидность